

Л.М.Харитонова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
(E-mail: novoedelo@yandex.kz)*

Время как предмет философского анализа в поэзии модернизма и постмодернизма

В статье исследованы различные формы реализации художественного времени в стихотворениях В.Ходасевича и И.Бродского. Размышления о времени поэтов разных литературных эпох привели автора статьи к выводу о противоположных метафизических моделях времени модернизма и постмодернизма.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, метафизическая модель времени, художественное время, апофатика, катафатика.

Смена поэтики в литературе — это всегда смена точек зрения на действительность, быт и бытие, пространство и время. Сравнительный анализ художественных текстов, принадлежащих к разным литературным эпохам, имеет продуктивный характер в том случае, когда сопоставляемые произведения имеют нечто общее в организации повествования, предмете изображения, в мотивной структуре и т.д.

Сопоставление творчества таких поэтов, как И.Бродский и В.Ходасевич не относится к числу популярных. Однако, несмотря на то, что развернутых высказываний самого Бродского о влиянии на его творческий метод поэзии Ходасевича не имеется, некоторые ученые высказываются в пользу их сопоставления. Так, Л.М.Баткин замечает: «Было бы крайне интересно попытаться обосновать аналитически впечатления о Ходасевиче, как одном из предшественников Бродского. Это потребовало бы особой и обстоятельной работы» [1]. А.Ранчин, осмысливая связи между поэтами, отмечает несхожесть их поэтических миров и, в то же время, указывает ряд цитат Бродского, восходящих к своему старшему собрату по перу. Сопоставительные наблюдения позволили исследователю сделать важный вывод: «Несомненно, родственно Бродскому и соединение предельной метафизичности и философичности Ходасевича с вечностью, осязаемой предметностью: у обоих поэтов чувственные вещи становятся своеобразными эмблемами бытия как такового» [1].

Принимая во внимание последнее рассуждение, обратимся к анализу стихотворений И.Бродского «Взгляни на деревянный дом» [2; 8] и В.Ходасевича «Дом» [3; 116–118] и рассмотрим реализацию в них различных метафизических моделей времени. Мотивом к сопоставительному анализу данных текстов послужили общий предмет изображения и тип авторской рефлексии, который он задает.

Формально стихотворения во многом оказываются схожими, оба написаны ямбом, имеют строфическую композицию, в обоих стихотворениях реализуется смешанная форма высказывания с очень незначительной проявленностью личного начала. К последней черте обратимся подробнее. Местоименно маркированный субъект речи у Бродского отсутствует вообще (о его присутствии говорит лишь обращение к «ты»), а у Ходасевича появляется лишь однажды в форме «мы» в финальной строфе этого пространного, состоящего из 76 строк текста. Подобная редукция личного начала, как доказывает практика анализа [4], выводит на первый план изображения внешний мир, пропущенный сквозь призму авторского восприятия. И в том, и другом стихотворении предметом изображения является дом, который вызывает у носителя речи рефлексии о времени и человеке во времени, что становится объектом изображения. Таким образом, внешние приемы организации субъектного строя обоих стихотворений являются схожими, что дает повод к их сопоставлению. Однако содержательная сторона каждого высказывания принципиально различна.

Первое отличие уже в самом характере предмета изображения. У Ходасевича — дом разрушенный. Он обретает предметную реальность лишь в предположениях героя по поводу его прежнего бытия, однако в настоящем — это прах, груда мусора. У Бродского — дом целый, «рассчитанный на прочный быт». Однако разрушенный дом Ходасевича изображается через гораздо большее, чем дом Бродского, количество деталей, помогающих представить образ когда-то целого дома — «пролеты широких окон», «балка», «лестница с узором», «печь», «стена», «кафель». Это дом, который был на-

полнен жизнью в разнообразных ее проявлениях, — место, «где ссорились, мирились, ... деньги припасались». Описание дома последовательно сменяется авторской рефлексией по поводу превосходства человека над разрушенным домом:

*Все теперь прохожему открыто. О, блажен,
Чья вольная нога ступает бодро
На этот прах, чей посох равнодушный
В покинутые стены ударяет [2; 8].*

Человеку доступна логика времени, он понимает смысл происходящего и разрушенный дом становится фактом движения времени, а не символом его драмы. К пониманию времени в этом стихотворении и человека в нем вернемся позже, а сейчас обратимся к принципам образности, осуществленным в стихотворении Бродского.

Дом в изображении Бродского с первых же строк лишен описательности и предстает не только как «здесь и сейчас», но и как «везде и всегда» существующий:

*Взгляни на деревянный дом,
Помножь его на жизнь. Помножь
на то, что предстоит потом.
Полученное бросит в дрожь
иль поразит параличом,
оцепенением стропил,
бревенчатостью, кирпичом —
все тем, что дымоход скопил [2; 8].*

Дом оказывается вместилищем времени — труднодостижимым и неоднородным. Человеческое бытие приравнивается к содержимому дымохода — оно недолговечно по сравнению с самим домом, который останется жить и после ухода человека. Авторское видение дома симультантно, благодаря чему дом предстает одновременно во множестве жизней, проживаемых в нем.

Человеческое присутствие в доме Бродского, в отличие от дома Ходасевича, практически не маркировано. Если у Ходасевича дом, пусть и разрушенный, изображается с явными признаками человеческого присутствия («супруги обнимались», «в жару потели больные», «рождались люди и умирали скрытно»), то у Бродского соотносительность дома и человека, «здесь и сейчас» живущего, предельно минимализирована и подается не через утверждение их связи, а через отрицание:

*Он — твой не потому, что в нем
все кажется тебе чужим,
но тем, что, поглощен огнем,
он не проговорит: бежим.
В нем твой архитектурный вкус.
Рассчитанный на прочный быт,
он из **безадресности** плюс
необитаемости сбит [2; 8]*.*

*(здесь и далее выделено мною. — Л.Х.)

Философия отношения человека и вещи (в данном случае — дома) пронизывает все творчество И.Бродского. Бытие человека ограничено во времени, вещь же, присутствуя в настоящем, несет в себе одновременно и прошлое, и будущее, и потому она принадлежит вечности, некоему вневременному измерению, тогда как человек обречен на конечность существования. Дом у Бродского словно застыл во времени, «оцепенел», для него остановлено Время, а потому бытовая конкретика (где стоит, кто в нем живет) полностью отменена и заменена на «неодушевленность», «безадресность» и «необитаемость». Отсутствие конкретики, а значит, и личных примет спасает дом от разрушения и поглощения временем. Состязаться со временем можно только при отсутствии уникальных и узнаваемых черт. Все, что наделено индивидуальным бытием, динамично. Изменяемость — суть преходящего, но

не вечного. А потому вещь побеждает человека в схватке со временем, ибо она неживая, а все живое уязвимо по причине своего недолголетия.

Иное — у Ходасевича. Тема времени, организующая все повествовательное пространство стихотворения, решается также в сопоставлении образов дома и человека. Но в этом сопоставлении выигрышную позицию занимает человек. Именно ему принадлежит попытка измерить время, понять его логику. Осознавая власть времени, человек, тем не менее, силой своего познания и мудрости стремится дать ему позитивное объяснение: «Да, хорошо ты время. Хорошо/ Вдохнуть от твоего ужасного простора» [3; 117]. Так же, как и лирический герой Бродского герой этого стихотворения осознает свою малость перед «пучиной» времени. Однако человек, как существо разумное, способен принять и понять его ход:

*Как птица в воздухе, как рыба в океане,
Как скользкий червь в сырых пластах земли,
Как саламандра в пламени — так человек
Во времени. Кочевник полудикий,
По смене лун, по очеркам созвездий
Уже он силится измерить эту бездну
И в письменах неопытных заносит
События, как острова на карте [3; 117].*

В то время как дом — вещь, обреченная на снос, может лишь стать фактом разрушительного действия времени, то есть стать его жертвой. Дом проигрывает в схватке со временем именно в силу своей неодушевленности и неспособности познать самого себя во времени. Он обречен на бесследное умирание, смысл которого ему никогда не откроется. Человеку дано сознание, в котором из века в век формулируются представления о времени и постигается его суть. Ему удастся сделать Хронос **понятным** для себя: «Он изобрел историю — **он счастлив!**» [3; 118]. Человек осознает скоротечность бытия:

*Сквозь пальцы (...) — непрерывно
Жизнь утекает. И трепещет сердце,
Как легкий флаг на мачте корабельной,
Между воспоминаньем и надеждой —
Сей памятью о будущем [2; 8].*

Это осознание логики движения времени, его разрушительной силы печалит героя, но в то же время понимание преходящести собственного существования дает ему власть над домом, который вынужден пассивно покоряться разрушению. В финальной строфе экзистенциальная грусть сменяется прозаическим действием, несущим в себе смиренное приятие неизбежности, которую несет с собой время — появляется горбатая старуха (также образ, соотношенный с идеей времени и скоротечности жизни), и вместе с героем они разбирают останки дома — «в согласье добром/ Работаем для времени».

Вернемся к стихотворению Бродского. В сопоставлении его со стихотворением Ходасевича становится понятным, что здесь имеет место **противоположное понимание отношений между человеком и вещью** (в широком смысле). Позиция превосходства человека над вещью звучит у Ходасевича — дом невольно покоряется разрушительному воздействию времени и разбирается человеком. Обратная позиция заявлена у Бродского — его дому предсказывается существование в бесконечной временной перспективе, мало доступной человеческому представлению о времени:

*И он перестойт века,
галактику, жилую часть
грядущего, от паука
привычку перенявши прясть
ткань времени, точнее — бязь
из тикающего сырца,
как маятником, колотясь
о стенку головой жильца [2; 8].*

Неожиданная метафора — «голова жильца», как маятник, бьющийся о стенку дома, отмеряющий своим движением собственный предел существования, убеждает в том, что человек, живущий **сегодня в этом доме**, занимает отнюдь не доминирующую позицию в тройственном союзе время — вещь — человек. По этому поводу А.Генис замечает: «Деля с вещами одно — жилое — пространство, мы катастрофически не совпадаем во времени: нам оно «тикает», им — нет» [5]. Тому подтверждение цитата из стихотворения [2; 18]:

*Ходики тикают.
Но, выражаясь книжно,
как жидкость в закупоренном сосуде,
они неподвижны, а ты подвижна,
равнодушной будучи к их секунде.*

Тема времени, проблема его постижения волнует поэтов с древних времен. Однако обостренное восприятие времени, всеобщее ощущение его неостановимой скоротечности, энтропийности свойственно именно для XX столетия. В анализируемых текстах эта тема развивается через отношение человека и вещи (в широком смысле). Как видим, поэты одного века, но разных поколений при создании одного и того же художественного образа пользуются разными кодами и значениями. Если воспользоваться категориями теологического дискурса, то можно сказать, что через художественные миры поэтов предстают два пути познания истины — катафатическое, реализованное у Ходасевича, и апофатическое, представленное у Бродского. Современная исследовательница М.В.Михайлова рассуждает: «Апофатический и катафатический принципы действуют не только в богословии. Любой дискурс тяготеет либо к позитивной описательности, прямому именованию, либо к апофатической указательности, негативному определению. Дискурс о чем угодно может быть построен либо катафатически — тогда он будет речью о предмете, либо апофатически — тогда он будет речью о чем-то другом, но приводящей к предмету. Сильная сторона катафатического подхода — прямота и ясность... Апофатика темна, это неудобный способ сообщения, но зато, уж если она достигает цели, мы можем быть уверены, что восприняли что-то живое и настоящее» [6]. Будучи наследником классических традиций, Ходасевич образно воплощает некое позитивное знание о мире и человеке в рамках дискурса классической поэтики, в которой господствуют эпистемологическая установка на изображение мира в его полноте, созерцание и описание объективной данности в ее предметности и укорененности в бытийном одушевленном пространстве. Очевидное доминирование в поэзии Бродского **минус-приема** позволяет номинировать его поэтику как апофатическую [7]. В анализируемом стихотворении Бродского вряд ли что-нибудь прояснится с позиции линейного времени, здесь **вычитания предпочитают сумме** (а если сумма и есть, то «сумма пустых углов»), которая могла бы дать представление о вещи в ее бытовой и бытийственной укорененности. Для человека существует вчера, сегодня, завтра, однако эти категории времени — не единственный способ его постичь. История, разделение времени на три его пласта (прошлое, настоящее и будущее) — вариант понимания времени, реализованный у Ходасевича. Отсутствие всякого позитивного утверждения о времени и его свойствах как признание собственной беспомощности в постижении смысла Хроноса — основа метафизической модели времени Бродского. Поэтов роднит само стремление к постижению метафизики времени через поэтический текст, однако пути этого постижения различны.

Список литературы

- 1 Ранчин А. Еще раз о Бродском и Ходасевиче // НЛО. — 1998. — № 3 // [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/30/>
- 2 Бродский И. В окрестностях Атлантиды: Новые стихотворения. — СПб.: Пушкинский фонд, 1995. — 80 с.
- 3 Ходасевич В.Ф. Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1989. — 464 с.
- 4 См.: Савченко Т.Т. Субъектный строй русской лирики. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2000. — 304 с.
- 5 Генис А. Частный случай. Иосиф Бродский. В окрестностях Атлантиды: Новые стихотворения // Знамя. — 1996. — № 2 // [ЭР]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1996/3/n1.html>
- 6 Михайлова М.В. Апофатика в постмодернизме // Символы, образы, стереотипы современной культуры: Сб. науч. ст. — СПб.: Эйдос, 2000 // [ЭР]. Режим доступа: <http://www.phil63.ru/apofatika-v-postmodernizme>
- 7 Эпштейн М.Н. Слово и молчание. Метафизика русской культуры. — М.: Высш. шк., 2006. — С. 519–523.

Л.М.Харитонова

Модернизм және постмодернизм поэзиясындағы уақыт философиялық талдау пәні ретінде

Мақалада В.Ходасевич пен И.Бродский поэзиясындағы көркем уақыттың берілу формасының түрлері зерттелді. Автор әр түрлі әдеби дәуірде өмір сүрген ақындардың уақыт туралы толғауларын талдай отырып, модернизм мен постмодернизмдегі көркем уақыттың қарама-қарсы метафизикалық модельдерін анықтады.

L.M.Kharitonova

The time as object philosophical analysis in the poetics of modernism and postmodernism

The article is devoted to the study of different forms of the artistic time in the poems Hodasevich and I.Brodsky. Reflections on time poets of different literary epochs lead the author to the conclusion opposite metaphysical models time of modernism and postmodernism.

References

- 1 Ranchin A. *NLO*, 1998, 3 // [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/30/>
- 2 Brodsky I. *In the vicinity of Atlantis: New poems*. Sankt-Petersburg: Pushkin's Fund, 1995, 80 p.
- 3 Khodasevich V.F. *Poems*, Leningrad: Sovetskij pissatel, 1995, 464 p.
- 4 Savchenko T.T. *Subjekt organization of Russian lyric*, Karaganda: Publ. KSU, 2000, 304 p.
- 5 Genis A. *Znamya*, 1996, 2 // [ER]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/znamia/1996/3/n1.html>
- 6 Mikhailova M.V. *Apophatic in the postmodern // Symbols, images, stereotypes of the contemporary culture // [ER]. Access mode: <http://www.phil63.ru/apofatika-v-postmodernizme>*
- 7 Epstein M.N. *The word and silence. Metaphysics of Russian culture*, Moscow: High school, 2006, p. 519–523.

UDC 82.0

Nicolae Stanciu

Bucharest University, Romania (E-mail: nickstanciu@gmail.com)

Common lexical forms for Romanian and Slovenian languages

The author considers meanings and forms, semantic and pragmatic specializations, utilization differences common lexical forms for Romanian and Slovenian languages. Using the comparative method, researcher observes some changes in the transition words of Slavic languages in other modern languages.

Key words: Slavonic stock of words, formal identity, phonetic differences, semantic differences, stylistic differences, pragmatic differences.

It is a widely recognized in many of the papers on Romanian language the fact that although a Romanic language in itself, it suffered a strong Slav influence, considered as being «the strongest out of the ancient influences exercised on the Romanian language». One can notice that this influence manifested itself in two major ways, a popular and an oral one, as a consequence of the co-inhabitation with the Slavs, and a cult, scholar one, due to the utilization of the Slavonic language for administration, diplomacy and religion. (Hristea 1982: 41).

In addition to this, the research on the Slav languages which reflect the common elements with different Balkan idioms proved interesting for many linguists as the centuries passed, including two Slovenians, Jernej Kopitar (Skubic 1996: 321–326) and Franc Miklošič (Skubic 2002: 10) [1, 2]. Kopitar was particularly inter-